

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ:
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО Ф. И. ШАЛЯПИНУ¹

МАКСИМ ФЕДОРОВ

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Отдел рукописей
Поварская ул., д. 25а, г. Москва, 121069, Россия
e-mail: maksimfyodorov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>
(получено 03.07.2018; принято 20.08.2018)

Abstract

Theatrical context: the unsent letter of Demyan Bedny to F. I. Shalyapin

The unsent letter of the proletarian poet Demyan Bedny to F. I. Shalyapin is for the first time published in this article. The letter has been preserved in the poet's collection in the manuscript department of the the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The history of Demyan Bedny's relationship with the great singer is described in this paper. For the first time an attempt is made to outline the circle of theatrical acquaintances of the proletarian poet.

Key words

Demyan Bedny, Shalyapin, Soviet theater, publication, Soviet literature.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920–1930-х годов».

Резюме

В статье впервые публикуется неотправленное письмо пролетарского поэта Демьяна Бедного Ф. И. Шаляпину. Письмо сохранилось в фонде поэта в отделе рукописей ИМЛИ РАН. В статье рассказывается об истории взаимоотношений Демьяна Бедного с великим певцом. Впервые предпринимается попытка очертить круг театральных знакомых пролетарского поэта.

Ключевые слова

Демьян Бедный, Шаляпин, советский театр, публикация, советская литература.

На протяжении более полувека имя Демьяна Бедного как для читателей, так и для большинства исследователей остается почти нарицательным, символизирующим поэтическую плодовитость и дурновкусие. Особенности его писательской судьбы сегодня дают основание вспомнить лишь о лакействе и карьеризме, его стихи не издают и не читают, пьесы давно уже не ставятся на театральных сценах.

Между тем, в определенный период времени его слава и значение для молодой советской культуры было огромным. И если его тесная дружба с партийной верхушкой хорошо известна историкам литературы, то о литературно-художественном окружении кремлевского баснописца вспоминают редко. Поэт в период своей громкой славы жил в Кремле, по соседству с первыми лицами страны, и его квартира была не только традиционным местом встреч старых большевиков, но и артистов. Об этом оставили воспоминания многие мемуаристы: «У поэта было много друзей, – его часто навещали писатели и актеры московских театров. Особенно дорожил Демьян Бедный своей дружбой с артистом Художественного театра Иваном Михайловичем Москвиным» (Поletaев, 1966, с. 84).

Его сын вспоминал (Придворов, 1966, с. 215):

Порой, когда его гостями были артисты (а среди его друзей их было немало), такие встречи напоминали интересный спектакль. Особенно когда гостями были народные артисты СССР Иван Михайлович Москвин и Михаил Михайлович Тарханов, Михаил Михайлович Климов, Николай Павлович Смирнов-Сокольский и Григорий Маркович Ярон. Впечатление было такое, что каждый рассказчик задался целью сразить предыдущего, и можно только пожалеть, что в те времена не было магнитофона, чтобы записать импровизацию знаменитых артистов и поэта-актера.

Наверное, у отца и впрямь были артистические способности; это отметил еще кто-то из его современников, вспоминая о выступлениях поэта в любительских спектаклях Киевской военно-фельдшерской школы, где он занимался в юности.

Своя особая компания была у Демьяна Бедного в известном московском Теа-клубе в Старопименовском переулке. Один из завсегдатаев клуба вспоминал (Филиппов, 1977):

Жизнь в нашем клубе начиналась обычно после окончания спектаклей. К одиннадцати часам вечера из театров Москвы в переулок съезжалась вереница извозчиков. Собирались компаниями. Приезжали либо на занимательные вечера и встречи, проводимые в клубе, либо просто в чайнии встретить друзей.

Из числа постоянных посетителей мне особенно запомнилась компания Демьяна Бедного, в которую входили известные артисты театра и эстрады Иван Михайлович Москвин, Михаил Михайлович Климов, Владимир Яковлевич Хенкин, Григорий Маркович Ярон, Николай Павлович Смирнов-Сокольский, Александр Абрамович Менделевич, художники Дмитрий Стахиевич Моор и Михаил Михайлович Черемных. Сколько неисчерпаемого веселья царило за их столом! Наблюдать 'за порядком' в компании было поручено старейшему конферансье А. Менделевичу. Он был назначен Демьяном Бедным 'начальником милиции', ему дали право привлекать к дисциплинарной ответственности 'нарушителей' – опаздывающих или пропускающих ночные бдения.

К трехлетию клуба мы выпустили однодневную печатную газету *Тea-клуб за три года*. В ней приняли участие виднейшие деятели искусства. Обратился я тогда и к Демьяну Бедному с просьбой написать что-либо для нашей газеты. Поэт обещал подумать, но уже на следующий день прислал шуточные стихи:

Привыкли все: пишу я едко,
 Но что я едкое скажу
 Углу, в котором я нередко
 Досуг вечерний провожу?
 Углу,
 где смех порхает резвый,
 Смирнов-Сокольский
 шебаршит,
 Где Менделевич
 вечно трезвый
 Меня остротами глушит?
 Где кто-то
 что-то мне подносит,
 Но я креплюсь,
 Хоть выпить рад,
 Где третий год Филиппов
 просит,
 Чтоб в клубе сделал
 я доклад?.

Театральные пристрастия поэта отразились и в его творчестве. Смерти великой Марии Николаевны Ермоловой он посвятил стихотворение *Об основном*:

Сегодня, отвернувшись от бирюлек и олова,
 Ищу я иные – тон и слова.
 Москва в трауре – и не только Москва.
 Умерла – Ермолова!
 Умерла – Ермолова.
 Еще одна дописалась глава.
 Еще не стало одного человека
 'Золотого театрального века'.
 В театре *Малом* – по заслугам *великом!* –

Где такую славную она имела судьбу,
 Ермолова с мертвым, мраморным ликом –
 Не на сцене,
 В гробу!
 Не стало славнейшей из стаи славной,
 Чье имя будет на странице заглавной
 Истории нашей театральной культуры

(Демьян Бедный, 1965, с. 182).

Это стихотворение было написано поэтом как своего рода манифест, в нем он однозначно определил, какой театр ему близок и в чем сущность театрального искусства. В русской культуре, особенно XIX века, было традиционным воспринимать театр как кафедру и приписывать ему высокую миссию служения. Такое понимание сцены было характерно и для Демьяна Бедного. И безусловным образцом театра, отвечающего этим требованиям, для него стал Малый.

Какие имена! Какие фигуры
 Украшали сцену театра *Малого*,
 Достигнутого в прошлом расцвета небывалого!
 Начало его размаха исполинского
 Уже вызывало восторги Белинского:

В Москве развитие театра было гораздо свободнее, чем в Петербурге... В этом отношении Москва далеко опередила Петербург... Сцена в Петербурге – большое искусство; в Москве она – большой талант. Но в Москве есть артист, который соединяет в себе оба эти условия – и талант и искусство. Мы говорим о Щепкине (см. статью В. Г. Белинского *Александровский театр*).

(...)

Богатырям шли богатыри на смену.
 По женской линии – московскую сцену
 Украшали – Ермолова, Садовская,
 Федорова, Никулина, Лешковская,
 Артисты щепкинской традиции,
 Чья жизнь была – игра и репетиция,
 Чье искусство было всегда
 Сочетанием *таланта и труда*,
 Чье дело было – общественным служением.

(Демьян Бедный, 1965, с. 183–184)

Помимо Малого, Демьян Бедный особенно выделял Реалистический театр, возглавляемый в то время его другом Николаем Павловичем Охлопковым. Вместе с Всеволодом Вишневским они защищали театр от критики рапповского толка, и, когда труппе понадобилась новая сцена для своих спектаклей, Демьян Бедный в *Вечерней Москве, Советском искусстве* горячо ратовал за новое здание для Охлопкова:

... Нет, надо сделать честный вывод,
 По-трезвому, 'без дураков':
 Стучать должно во все ворота,

Под всеми окнами кричать
(И особенно чрез печать): —
Вот где работа, так работа!
Пора ее и увенчать.
Но увенчать не разговором,
А светом, воздухом, простором...
Из темной, тесной конуры,
Преодолевши все преграды,
Увесть 'Охлопкова со чады'
В театр, достойный их игры!

(Демьян Бедный, 1965, с. 330)

О широте человеческой природы поэта говорит и то, с какой искренностью он мог восхищаться спектаклями, поставленными в театрах, совсем не близких ему в эстетических принципах и идеологических установках. Так, он энергично поддерживал постановку драмы *Дело Сухово-Кобылина* во МХАТе – 2, где роль Муромского исполнял Михаил Александрович Чехов, а режиссером был Борис Михайлович Сушкевич. «'Дело' потому и сейчас дело, – заявил поэт, – что оно метко и остро отзывается на боли сегодняшнего дня, когда страна и общество борются с людьми, у которых 'все тело-шея', с бюрократизмом, со взяткой, неправдой» (Эвентов, 1983, с. 181). На этот спектакль в «Известиях» он написал рецензию «Вот это – дело!» и даже сочинил стихи, посвященные этой постановке.

Непростые взаимоотношения связывали Демьяна Бедного с Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Таких разных художников, кажется, мало что могло объединять, но при этом поэт не пропускал ни одной премьеры режиссера и откликался стихами (правда, разгромными) на все значимые его спектакли. Демьян Бедный оказался героем парадоксальной ситуации, возникшей вокруг мейерхольдовской постановки *Ревизора*. Спектакль «красного режиссера», который был показан во время европейских гастролей театра, вызвал волну неприятия в эмигрантской печати. Внутри страны яростным обличителем спектакля стал Демьян Бедный, написавший по этому поводу злобную эпиграмму, которую широко цитировали в эмигрантских кругах. Кажется, впервые и единственный раз в судьбе баснописца его голос оказался не просто созвучен голосам русской эмиграции, но даже пригодился им в борьбе с Мейерхольдом.

К 1930-м годам относится самый известный и драматичный опыт сотрудничества Демьяна Бедного со сценой: в Камерном театре Александр Яковлевич Таиров выпустили спектакль *Богатыри* на основе либретто, написанного по этому. Этой совместной работе суждено было стать кульминацией кампании по борьбе с формализмом. Взгляды Демьяна Бедного на русскую историю, отраженные в тексте *Богатырей*, были подвергнуты резкой критике со стороны властей и лично Сталина и дали начало самому серьезному из всех пережитых поэтом гонений.

Среди близких приятелей, а, возможно, и друзей Демьяна Бедного был Федор Иванович Шаляпин. Сын поэта писал (Придворов, 1966, с. 215):

В одном из разговоров со мной отец как-то обмолвился, что хотя он и любит рассказывать и слушают его с большим интересом, но бывали случаи, когда он сам не открывал

рта и только следил с восхищением за рассказчиком, боясь перебить его репликой. Таким рассказчиком был великий артист Ф. И. Шаляпин, с которым отец поддерживал дружеские отношения в первые годы революции и вел некоторое время переписку.

В архиве поэта в Отделе рукописей ИМЛИ РАН сохранилось неопубликованное письмо Демьяна Бедного к Шаляпину. Написано оно было, очевидно, после того огромного впечатления, которое на Демьяна Бедного произвела первая встреча с великим певцом. Сегодня, правда, трудно понять, почему поэт так и не отправил это письмо адресату. Очень эмоциональное, написанное ярким образным языком, за которым сразу чувствуется поэт, это письмо показывает совсем другого Демьяна Бедного. Его почти детская искренность подкупает, и становится ясным, за что любили поэта его многочисленные друзья.

Москва, 27 июля 1919 г.

Дорогой Федор Иванович!

После нашего знакомства у меня долго и в голове шумело и в ушах звенело. Не то я водопад какой увидел, не то чорт его знает, что такое, во всяком случае – не человека, а явление природы какое-то.

Покорен.

Не из таких я, чтобы признаться в этом, но... пусть будет так.

Кто-то сказал мне, что Вы должны были здесь быть еще в субботу, вчера – то есть, 26-го. И я на этот раз приготовил артиллерию самого крупного калибра, чтобы громить Вас – вдребезги, 'до полной Вашей сдачи'.

Еле на плечах внес в третий этаж груз со снарядами.

Теперь 'стреляю' один, впусую.

'Неприкосновенный' склад продержу до будущей субботы, т.е. до 2-го августа.

От долгого хранения может быть 'взрыв', 3-го, скажем.

Взорвется целое состояние.

Приезжайте, ей-богу.

Это будет, так называемая....

Или дайте знать, когда Вас можно ждать.

Если слишком долго, то... наведу орудия на Питер. Все равно, мне надо будет побывать там.

Жму Вашу руку.

Демьян Бедный

Помимо письма, в архиве сохранились также черновые наброски стихотворения с ироничным заглавием *Царь-Горох и царица Рена*, посвященного Шаляпину.

И певец в своих мемуарах не раз упомянул поэта, как и у многих, в его памяти остался гостеприимный кремлевский дом поэта (Шаляпин, 1962):

Квартира Демьяна Бедного в Кремле, – вспоминал он, – являлась для руководящих советских работников чем-то вроде клуба, куда очень занятые и озабоченные люди забегали на четверть часа не то поболтать, не то посоветаться, не то с кем-нибудь встретиться.

Появлялся в их компании и Горький, и Ленин (Хохлов, 1966, с. 135):

Однажды, в 1919 году, у Демьяна Бедного на квартире в Кремле вечером сидели Шаляпин и Горький. Узнав каким-то образом об этой компании, внезапно пришел Владимир Ильич.

Человек чрезвычайно деликатный, Владимир Ильич, чтобы дать возможность спрятать 'грехи' под стол, задержался в передней комнате и разговорился с дочуркой поэта.

Один из мемуаристов, молодой писатель из Тверской губернии, вспоминал (Тодорский, 1966, с. 124–125):

Демьяну Бедному уже по одной моей книжке понравился наш разбуженный революцией край. Он даже запланировал здесь свой отдых на лето 1919 года совместно с Федором Ивановичем Шаляпиным и просил меня подыскать заранее соответствующее место и написать непосредственно в адрес Шаляпина об условиях его отдыха. Я с радостью исполнил эту просьбу, послал Ф. И. Шаляпину подробное письмо, но почему-то эта совместная поездка на Везьегонск наших двух великих современников не состоялась.

Впрочем, Шаляпин мог и с известной долей иронии отзываться о своем приятеле, высмеивая честолюбие и тщеславие поэта. Всем известна была, например, любовь Демьяна Бедного к Пушкину: и движимый не только этим чувством, свои антиклерикальные произведения советский поэт издавал под одной обложкой с произведениями Пушкина (Пушкин, 1922). И, когда в очередной раз шумно отмечался юбилей Демьяна Бедного, то *Литературная газета* поместила рядом с поздравлениями обширный материал, посвященный Пушкину. Очевидно, что сделано это было не без желания польстить пролетарскому поэту. И, кажется, именно об этой черте характера своего друга оставил воспоминания и Шаляпин (Шаляпин, 2005, с. 258):

Кто-то выдумал анекдот, что когда Петроград был переименован в Ленинград, т.е. когда именем Ленина окрестили творение Петра Великого, Демьян Бедный потребовал переименования произведений великого русского поэта Пушкина в произведения Демьяна Бедного.

Так случилось, что поэт и умер на глазах своих друзей-артистов (Литовский, 1966, с. 335):

Это было в Барвихе, в санатории. За обеденным столом их сидело три приятеля, можно сказать друга – И. М. Москвин, М. М. Тарханов и Демьян. Они обменивались веселыми репликами. Как вдруг, как-то неожиданно Демьян не ответил на реплику.

Он был мертв.

Библиография

- Бедный, Д. (1965). *Собрание сочинений: в 8-ми тт.* Т. 6. Москва: Художественная литература.
- Бедный, Д. (1965). *Собрание сочинений: в 8-ми тт.* Т. 8. Москва: Художественная литература.
- Литовский, О. (1966). *Что помню и знаю. В: Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Полетаев, А. (1966). *О Демьяне. В: Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Придворов, Д. (1966). *Об отце. В: Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Пушкин, А.С. (1922). *Сказка о попе Остолопе и работнике его Балде; Д. Бедный. Сказка о батраке Балде и о страшном суде.* Москва: Государственное издательство.

- Тодорский, А. (1966). В *Весьегонске*. В: *Воспоминания о Демьяне Бедном*. Москва: Советский писатель, с. 124–125.
- Филиппов, Б. (1977). Демьян Бедный в Теа-клубе. *Литературная Россия*, № 28, 8 июня.
- Хохлов, В. (1966). *Друг селькоров*. В: *Воспоминания о Демьяне Бедном*. Москва: Советский писатель, с. 135.
- Шаляпин, Ф. И. (2005). *Маска и душа*. Москва: Гелеос.
- Шаляпин, Ф. И. (1962). Штрихи воспоминаний. *Известия*, 19 октября 1962.
- Эвентов, Э. (1983). На перекрестке традиций. *Звезда*, № 4.